

•

Ретро-детективы
Антон ЧИЖА

•

А Н Т О Н

ЧИЖ

• ищите барышню, •
или Безжалостный Орфей

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Ч-59

Дизайн серии *Петра Петрова*

Иллюстрации в книге *Алексея Дурасова*

Издательство благодарит литературное агентство
Goumen@Smirnova за содействие в приобретении прав

Чиж А.

Ч-59 Ищите барышню, или Безжалостный Орфей / Антон Чиж. — М. : Эксмо, 2013. — 448 с. — (Ретро-детективы Антона Чижа).

ISBN 978-5-04-201836-7

Талант парикмахера не только в том, чтобы умело завить женский локон, выщипать брови и пленительно подкрасить ресницы. Парикмахер – тончайший психолог, знаток женских душ, их тайных стремлений и темных сторон. Он, словно волшебник, может несколькими словами и взмахами ножниц излечить раненое самолюбие, но может и нанести смертельную рану...

Новый ретро-детектив Антона Чижа погружает нас в мир салонов красоты конца XIX века! Безжалостный следователь полиции Ванзаров, едва не погибнув, словно Орфей, возвращается из ада в мир живых, а железный стоик криминалист Аполлон Лебедев впервые по-настоящему влюбляется... Чудовищные обстоятельства грозят героям гибелью, но полицейские сердца не дрогнут перед опасностью, рискуя всем!

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-201836-7

© Антон Чиж, 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

• **ТОМ I**

Треснувшие плиты глухо отражали шаги. Сводчатые потолки в заплесневелой известке разносили эхо до небес. Темноту стремительно рассекал высокий господин. Шаг его был так скор, что за полами пальто клубился водоворот октябрьского морозца, захваченного с улиц и не успевшего пасть снежком в сених. Макушкой не доставал этот господин до потолков, но в арках, невесть зачем деливших прямой коридор на равные ниши, пригибался, чтобы не посадить с размаху шишку.

Черты лица скрывала чернота. Но легко было распознать человека крепкого сложения и неудержимого характера. Такого, что и в мороз обойдется без шапки, и шарфы презирает. Будто внутренний жар столь крепко жжет, что никаким катаклизмам не заставить этого человека кутаться. Стоит отметить, что господин сжимал в руке желтый чемоданчик, который, несмотря на быстроту шага, летел не шелохнувшись, как по ниточке.

В стенах безнадежно осели мутные сладковатые запахи гниения и хлорки. Но и эти ароматы робко от-

ступали под напором нового, окружавшего господина плотным облаком, пропитавшего пальто и костюм. Казалось, и старая известка теперь пахнет вызывающе дерзко, чем-то имбирно-пиратским или по меньшей мере возбуждающим фантазии о тропических морях и дебрях Южной Америки.

Стремительный гость не обращал внимания на окружавшую убогость, словно бывал здесь не раз. И что делать в захудалом месте тому, у кого в галстук поблескивает брильянт заколки, пиджак моден и свеж, а на пальце нескромно топорщится перстенок?

Тьма уперлась в керосиновую лампу, огонек в которой тлел ровно настолько, чтобы человек мог разглядеть контур облезлой двери с табличкой «Вход воспрещен». У таблички отгрызли левый угол. Господин не церемонясь рванул створку, так что в кулаке остался кусок металлической ручки, и вошел, а вернее сказать — ворвался в помещение, которое сразу показалось тесноватым. Хотя комната была не так уж мала. Потолок терялся в высоте, а кафельной плитки, покрывавшей стены, хватило бы на то, чтобы выложить ею бассейн.

Не тратя слов на приветствия, господин с порога заявил:

— Что это значит?

Вопрос был задан таким особо спокойным тоном, что распознать прямую и явную угрозу, вплоть до расправы кулаками, не составило труда. Любой, кому был бы задан этот вопрос, предпочел бы его не слышать. Уж слишком отчетливо гость воплощал собой сдерживаемую ярость. Однако на месте «любого» ока-

зался человек не робкой, а внушительной комплекции, которую подчеркивал белый халат, туго затянутый на груди и в талии холщовыми лямками. Он неторопливо стянул резиновую перчатку, затем другую, при этом не пасуя под прожигающим взглядом, а сдерживая его, как зарвавшегося коня.

— В чем, собственно, дело? — спросил он.

Гость потряс бумажным комком, стиснутым в кулаке дохлым птенчиком:

— Это я вас спрашиваю: что это вот значит?

— Не имею чести знать.

— Ах ты... — начал было грозный господин, но удержался за ниточку приличий, — ...что еще за субъект такой нашелся? Кто таков?

«Владелец» кафельной комнаты представился доктором Епифанцевым и в свой черед пожелал узнать, с кем имеет честь свести столь приятное знакомство. Обрушился шквал чинов и научных регалий, завершившийся именем, которое гремело по всей столице. Если не по всей, то по Департаменту полиции наверняка. На доктора явление знаменитости не произвело впечатления. Даже с места не сдвинулся, не подбежал ручку пожать и даже бровью не повел. Напротив, излишне равнодушно спросил:

— Очень приятно. Так все-таки, что вам надо?

Под ноги полетел бумажный шарик. Епифанцев не поленился нагнуться, расправил, взглянул, положил замученный листик на металлический стол, который располагался в удобной близости, и сказал:

— Здесь все изложено верно. Не понимаю вашего беспокойства.

— Беспокойства? О каком беспокойстве речь! Я в бешенстве, если угодно!

— Желаете капель успокоительных?

— Шуточки оставить для ваших адъюнктов! Кто составил этот бред?! Кто посмел?!

— Не бред, а заключение. Составлено мною лично. Прошу аккуратнее со словами. Здесь не полицейский участок.

— Сможете заявить, что не самый тяжелый случай отравления привел к такому фатальному результату? Так прикажете понимать? Как такое возможно?!

— Если бы господин эксперт потрудился прочесть от начала до конца, то, безусловно, обнаружил бы очевидную причину. Там все написано... — Доктор протянул документ.

Господин двинулся слишком решительно, чтобы истолковать это движение как вспыхнувший интерес, и оказался слишком близко для вежливого общения. Епифанцев не удостоил напор и легким сомнением, выказав поразительное хладнокровие.

— Требую, именно требую, чтобы мне предоставили тело для осмотра!

— Прошу простить, но это невозможно, — сказал доктор.

— Почему?

— Прошу извинить, не положено.

— Вот как? Это мне не положено?.. Мне?! Да вы... Да я вас... Да знаете, что...

— Да, знаю. Знаю, что обязан исполнять приказ Врачебно-санитарного комитета Министерства внутренних дел, в коллегии которого вы имеете честь со-

стоять, от 13 марта нынешнего, 1895 года, где четко и строго прописаны меры по недопущению распространения опасных эпидемий. Вам не хуже, чем мне, известно, что полагается делать при возникновении столь серьезной угрозы.

То ли прохладность кафельных стен, то ли строгость приказа или стойкость доктора остудили взывавший характер. Важный господин ослабил напор и начал уговаривать совсем иначе, по-дружески, как коллегу, применил неподражаемую улыбку, пока наконец не опустился до интонаций скромного просителя.

— Дайте хоть взглянуть... — чуть не жалобно попросил он.

— Никак невозможно. Даже приближаться нельзя. Вы же сами понимаете, как ученый. Недопустимый риск. Прошу извинить, мне пора... — И гостю указали, куда ему следует отправиться.

* * *

Среди колонн, подпиравших свод парадного холла Александровской больницы, терялся худощавый юноша, закутанный в шинель гражданского кроя с поднятым воротником, который упирался в фуражку, натянутую до ушей. На сквозняках огромной больницы молодой человек продрог до озноба. Заметив массивную фигуру в расстегнутом пальто, выплывшую из глубин больницы, пропустил со всех ног.

— Ох, ну как там дела? — спросил он, отчаянно шмыгая носом. — Родиону Георгиевичу лучше? Как самочувствие? Видели его? А мне можно? Я быстрень-

ко сбегаяю... А то совсем околел, оставили меня, так нечестно...

Опустив чемоданчик, господин раскурил сигарку, от дыма которой вздрогнули даже статуи, и тихо сказал:

— Кончено...

— Что «кончено»? — Молодой человек явно не уяснил, почему вместо добрых или хотя бы обнадеживающих вестей его пугают тревожными загадками. — Аполлон Григорьевич, лечение помогло? Когда его выписывают? Как у него дела? Настроение и вообще...

— Это трудно... Я бы хотел... Не знаю, как вам сказать.

— Да как есть, так и скажите...

— Наверно, это правильно. Лучше сразу. Так вот... — Господин осекся, словно собираясь с силами, и наконец сказал: — Ванзарова больше нет. Простите меня, Коля, что должен вам это сказать. Так все глупо вышло. И вас совсем не стоило бы... А, пропади все пропадом. Вы уже не мальчик, чтобы сопли вытирать. Будьте сильным и мужественным. Пришла пора взрослеть, коллега. Родиона Георгиевича больше нет. Все. Простите.

Младший чиновник полиции Никола Гривцов считал себя образцом мужества и в некотором роде рыцарства, что бывает в ранней юности со всеми. Но известие застало врасплох. Он старался, но никак не мог понять, в чем же состоит шутка великого и ужасного Лебедева, в чем ее смысл. И когда она кончится.

Шутка упрямо торчала, разрастаясь и становясь той самой правдой, что нельзя ни обойти, ни спрятать,